

Дугаржап Жапхандаев

НЕИЗВЕСТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Перевод с бурятского языка
Виктора Балдоржиева

Дугаржап Жапхандаев

**Неизвестная цивилизация.
Перевод с бурятского языка
Виктора Балдоржиева**

«Издательские решения»

Жапхандаев Д. Ж.

Неизвестная цивилизация. Перевод с бурятского языка Виктора Балдоржиева / Д. Ж. Жапхандаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930356-1

Рукопись Дугаржапа Жапхандаева «Повесть о моём детстве» я перевёл с бурятского языка и издал в 1999 году под названием «Алханай — Шамбала моей души». Каждое поколение по-новому будет знакомиться с главами этой удивительной книги новелл о жизни на Восточной Украине России в первой четверти XX века. Ведь сегодня Алханай стал Шамбалой души всех.

ISBN 978-5-44-930356-1

© Жапхандаев Д. Ж.
© Издательские решения

Содержание

НЕИЗВЕСТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	6
Предисловие к изданию 1999 года	7
Алханай – Шамбала моей души	8
ПОМНЮ...	9
НА ОСЕННЕЕ СТОЙБИЩЕ	11
ЧАБАНЫ	12
У ДЕДУШКИ	13
В КУЗНИЦЕ	14
ЛАМА. ИЗГНАНИЕ ЗЛЫХ ДУХОВ	15
НАШИ СОСЕДИ	17
ЗИМНИЕ ДНИ. КТО ОХОТИТСЯ?	19
БЕЛЫЙ МЕСЯЦ – САГАЛГАН	21
СОБРАНИЕ. КАКОЙ ГРЕХ СОВЕРШИЛ БАТО-НАГАСА?	24
ВЕСНА	25
КРАСНОЕ ПАСХАЛЬНОЕ ЯЙЦО	26
МОЛЕБНЫ. ЧУДЕСНЫЙ ЛИВЕНЬ	28
В РУССКИХ ДЕРЕВНЯХ	30
ВОЛКИ	32
МУЗЫКА	33
НА ЛЕТНИКЕ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Неизвестная цивилизация
Перевод с бурятского языка
Виктора Балдоржиева

Дугаржап Жапхандаевич Жапхандаев

Переводчик Виктор Балдоржиев

© Дугаржап Жапхандаевич Жапхандаев, 2018

© Виктор Балдоржиев, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-0356-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕИЗВЕСТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Рукопись Дугаржапа Жапхандаева «Повесть о моём детстве» я перевёл с бурятского языка и издал в 1999 году под названием «Алханай – Шамбала моей души». Каждое поколение по-новому будет знакомиться с главами этой удивительной книги новелл о жизни на Восточной Украине России в первой половине XX века. Ведь сегодня Алханай стал Шамбалой души всех забайкальцев.

За свою жизнь я написал 4 книги об Алханае, в издании которых принимал непосредственное участие, а зачастую и сам был издателем. Конечно, большинство последующих изданий во многом будут опираться и заимствовать факты и сюжеты из этих книг. Думаю, что я и авторы бурятских текстов будем только приветствовать такую деятельность, в надежде, что наши последователи не забудут в этих случаях и наш скромный вклад в общее дело просвещения на Восточной Украине России.

Предисловие к изданию 1999 года

(В издании на русском и английском языках)

В этой книге вы найдете исчезнувший мир наших предков – отголоски далеких мелодий, забытые обряды и традиции, цивилизацию бурят первой половины двадцатого века. Да, они были действительно детьми природы, они родились и ушли вместе с веком. Это был уникальный мир бескорыстия и подлинной человеческой совести, по которому будем тосковать все мы, люди, шагнувшие в третье тысячелетие. Что нас ждет впереди? Мы уже не определяем сами свою национальную суть, оторвались от природы, обычаев и традиций, утрачиваем язык. Не зная своего, никогда не узнать чужого...

Около двадцати лет я был знаком с Дугаржапом Жапхандаевым, человеком величайшей скромности и удивительного бескорыстия. Именно в силу этих человеческих качеств при жизни он не издал ни одной книги, ибо органически не был способен ко лжи и лицемерию. Сегодняшнее издание его книги не случайность, а закономерность, предопределенная свыше.

Он – автор и герой этой книги. Обычно писатели создают в своих произведениях мир литературных героев. Дугаржап Жапхандаев запечатлел в словах и подарил нам – мир реальных людей, мир наших предков, Шамбалу своей души, но читая эту книгу, каждому из нас придется открывать свою Шамбалу, свою неизвестную цивилизацию.

©Дугаржап Жапхандаев, бурятский текст. 1977 год.

©Виктор Балдоржиев, перевод на русский язык. 1999 год.

Первое издание: Чита, Поиск, 1999. 184 с. ISBN 5-93119-017-1

Алханай – Шамбала моей души

(Время коллективизации глазами семилетнего ребенка)

ПОМНЮ...

Я родился и жил в бескорыстном мире детей природы и века.

Помню... Алханай... Мне три или четыре года, дверь юрты закрывают, но сейчас она распахнута. В юрте никого нет. Обрадованный, спрыгиваю с кровати, спешу к двери, на волю, перелезаю через порог и бегу по влажной траве. Неожиданно слышу голос мамы:

– Куда побежал! Там ручей, опасно.

Мама догоняет меня, высоко поднимает на руки и прижимает к себе. Как далеко видно с высоты! В голубом тумане купаются горы и тайга, видны юрты, коровы и овцы, недалеко кузница папы. Когда я убегаю, папа тоже берет меня на руки и несет обратно...

В юрте мама дает мне блестящий замок и много позванивающих ключей в связке, на которые я давно зарился.

– На, играй и сиди дома! – говорит она, потом пододвигает ко мне деревянную чашку с молоком и длинный ломтик хлеба. Ключи к замку не подходят, увлекшись игрой, я молчу. Приходит папа.

– Дома его уже не удержать, недавно он бегал в кустарниках за конем, еле нашли. Не одевать же на него снова колокольчик, – ворчит мама.

Папа молчаливо поддакивает и не спеша пьет чай. Наигравшись, я снова заскучал. Принимаюсь за еду. Жую хлеб и берусь за чашку. Молоко бежит по подбородку и стекает на грудь. Мама подбегает ко мне и вытирает пальцем белые струйки.

– И когда ты избавишься от этого, – приговаривает она, дергая за квадратный кожаный слюнявчик, накрепко пришитый к моей рубашке...

Помню... Алханай... Загадочей... Я взрослею с каждым днем. Однажды моя сестра Жалма-абгай отпросилась у мамы пойти вместе с подружкой на старое стойбище Онхошо. Я затаился в ожидании, но девочки незаметно вышли из юрты и заспешили. О, как я умею притворяться! С ревом и плачем, спотыкаясь и падая, я побежал за ними, пока мама не крикнула девочкам:

– Возьмите его за руку, ладно, пусть идет с вами!

Долго мы брели, утопая в травах и цветах. Наконец добрались до Онхошо. Как здесь хорошо! Старый развалившийся балаган из бересты, огромные кучи навоза, черные квадраты спрессованного аргала. А какие запахи! Всюду валяются сине-белые скотские лодыжки, увесистые бабки, россыпи мелких белых камней. Лодыжки, конечно, стали быками, белые камушки – овцами, а торчащие бабки – пастухами. Девочки играют, а я смотрю, замороженный. Как мы далеко ушли от дома! Ошеломленный, оглядываюсь и, сорвавшись с места, начинаю носиться по старому стойбищу, поднимая вихри пыли...

Помню... Теплая летняя ночь. Что это у самого горизонта, огромное и черное, подпирает мерцающее звездами небо? Барун-ундэр или медная гора Мадага? Любая из них опасна! Там могут быть и волки, и черти. Страшно! Папа несет меня в темноте на закорках, крепко зажмурив глаза, прижимаюсь одним ухом к спине папы. Тепло. Земля гудит. «Ууй! Кто это догоняет нас?» – вздрагиваю я и оглядываюсь. Никого нет. Где-то далеко, чуть ли не у подножия Саган-Шулута, лает собака. Там наверняка бродят волки! А может быть на чье-нибудь стойбище прокрались воры или разбойники? Слышат ли сейчас собачий лай мои друзья Жамьян-Дэби, Цыден-Еши или Жигмит-Сынгэ? В жуткой ночи медленно испаряются утробные и страшные звуки, звон медных литавр. Это лама отгонял злых духов... Мы идем в темноте мимо огромных сосен и берез, сквозь дрему мне кажется, что я покачиваюсь на качелях в нашей стайке.

– Дугарка, просыпайся! Домой пришли, – говорит папа и быстро спускает меня, сонного, на землю. Мама, позванивая связкой ключей, открывает низенькую дверь нашей юрты.

В юрте темно. Сноп лунного сияния падает из верхнего окна на низенький топчан. Ложусь в этот светлый и теплый квадрат, засыпаю...

Просыпаюсь от трубного рокота раковины, на улице мычит корова. Выглядываю из-под мехового одеяла. В юрте тепло. Дымок из очага вьется и поднимается к открытому своду. Почему мама так рано выгнала корову из загона? Папы и Жалмы-абгай в юрте нет. Быстро встаю, одеваюсь. Натянул носки, сапоги, надел рубашку, ремень рядом. А вот и шапка. Теперь готов. Вперед, на улицу! Куда бежать? К Жамьян-Дэби нельзя – у Намсараевых собака отпущена, мама всегда напоминает, чтобы я опасался. Эта собака и на взрослых кидается! Намсараевы – наши богатые и добрые соседи, Жамьян-Дэби – их сын, мой ровесник и друг.

Чашка густого чая и кусок хлеба – вот и весь мой завтрак. Арсу я ждать не буду, куда она от меня не уйдет. А вот сходить к дедушке и добежать до кузницы надо. Ого, сколько голубей сидит на крыше сарая Намсараевых! И никто не пугает. Наш дедушка иногда стреляет их. Почему они не садятся на нашу стайку?

Дедушка хороший охотник. Иногда зайцы свисают с двух боков его саврасого коня. У дедушки всегда есть мясо дичи. Он и бабушка никогда не закалывают на мясо животину. А может быть у них и вовсе нет скота...

НА ОСЕННЕЕ СТОЙБИЩЕ

Цепляясь за вершины алханайских гор, по небу плывут хмурые облака. В ограде нашего летника стоят телеги. Папа и мама грузят на них пожитки. Я давно собрал свои игрушки, путаюсь под ногами взрослых, нетерпеливо жду, когда тронутся быки. Папа не спеша и аккуратно укладывает вещи. Не торопится... Наконец-то взрослые туго затягивают крепкими гужами груз, смазывают оси колес и начинают запрягать быков. Папа выводит первую телегу и неторопливо шагает впереди. Мне надо вскарабкаться на самую высокую телегу. О, как здесь высоко! Я смотрю на небо, на плывущую внизу порыжевшую траву, и от счастья у меня кружится голова! Мы кочуем на осеннее стойбище...

Проезжаем через каменистый ручей, мимо соседних стойбищ Шадаповых и Шулуштуновых, Бычьей изгороди. На склоне горы покоится огромный валун, возле него сиротливо растет старый вяз. Телеги наши возле валуна кажутся маленькими. Почему-то становится страшно. На ровной площадке белеют молитвенные камни. Останавливаемся и молимся, просим у духов удачи. Мама рассказывает, что здесь когда-то жила богатая семья бурят. Водились у них золотишко, деньги и скот. Весной на стойбище напали разбойники и убили всю семью топорами и гирями. Но, ни золота, ни денег разбойники не нашли. Ошеломленный, я смотрю на страшное место.

Лениво поскрипывают наши телеги. У следующего подножия тоже возвышаются молитвенные камни. Каждый прохожий добавляет свои и молится... Папа находит в стороне несколько белых камней и кладет на кучу. Потом он встает на колени и, сложив ладони, кладет поклоны, что-то шепчет. Наверное, просит благословения у духов.

Медленно едем по склону горы, дорога крутая и кремнистая. Показался летник Намсараевых, там тишина, они давно переехали на осеннее стойбище. На летнике Бато-нагасы, брата мамы, тоже никого.

Едем по левой стороне Загдачея, сплошь заросшей темным кустарником, над которым изредка белеют стволы берез. У подножия пологой сопки мерцает белым зеркалом озеро, на берегу – сложены молитвенные камни. Снова останавливаемся. Молимся, просим удачи, разбрасываем приношения. Теперь местные духи не обидят нас.

Вокруг – тайга, проплешины полян и пастбищ. Справа – гора Мадага, ближе – сарай, юрта, стайки и изгороди Намсараевых. Недалеко от них – наше осеннее стойбище. Проезжаем мимо родника Махидун, стойбищ Доржиевых. Из трубы юрты Намсараевых вьется дымок и, не долетев до вершины Мадаги, тает. Лениво лает собака. Наверное, привязана, иначе прибежала бы к нам. Ни одного человека не видно.

Вот мы и доехали до нашего стойбища. Какие рыжие и желтые краски разбросала осень по тайге и полянам! Надо посмотреть ручей. В чистой воде плывут и покачиваются зеленые водоросли, тонкая ветошь, багряные и желтые листья берез. В изгороди нашего стойбища стоят стога сена. Надо бы вскарабкаться на стог и поиграть, но ворота высокой изгороди крепко привязаны. Добегаю до низенькой папиной кузницы, дверь там забита гвоздями. Что делать? Я отвык за лето от стойбища, даже от соседей Намсараевых. Надо бы сходить к ним в гости, но боюсь. Хорошо бы пойти в гости с мамой...

ЧАБАНЫ

Высокомерные белобородые козлы, которые водят овец, долго привыкают к новому месту. Но с каждым днем наше маленькое стадо уходит все дальше и дальше. Вот они уже разбредаются по склонам и кустарникам Саган-Шулута. Жалма-абгай и я – чабаны. Взявшись за руки, мы бежим по высоким осенним травам. Если глупые овцы уходят за гору, мы с криком и плачем, до боли в печенках, летим за ними мимо кустарников и больших камней. Иногда на наше счастье овцы доходят до солнцепеков и возвращаются назад. Жалма-абгай собирает овец в кучу, быстро— быстро тычет пальчиком и радостно заключает: «Все!». А я еще не умею считать. Потом мы проворно избегаем на крутой склон и громко поем песни в честь нашего везения.

Чабаны во время пастьбы овец всегда что-нибудь ищут.

– Сарана! – радостно кричит сестра, – здесь еще может быть. Ищи!

Всюду полыхают красками осенние цветы. Есть среди них и высокая сарана. Жалма-абгай нашла и уже копает. Я ищу проверенным способом: сплевываю на ладонь левой руки, а пальцем правой сильно бью по слюне. Куда полетят брызги, там и будет сарана. Брызги летят в разные стороны, а сараны нигде нет. В поисках приближаюсь к сестре.

– Вот! – хвастает она и показывает мне на ладони маленькую луковицу в коричневой шубке. – На, ешь. Не разжевывай сразу, там должен быть маленький свисток.

С вершины Саган— Шулута видна речушка Загдачей, сверкающая под лучами солнца. Кто-то ездил на коне в русскую деревню и возвращается на стойбище. Лениво шагает конь, наверное, хозяин купил много хлеба. Папа или мама тоже ездят в русскую деревню, привозят мне вкусные булочки. Я их прячу в маленьком ящичке перед божницей.

Дни становятся короче и прохладнее. Лежу на спине в мягкой ветоши и отдыхаю. Земля усеяна зелеными, желтыми, рыжими листьями, ветерок разносит терпкие запахи осени и вдруг овеет благовонным ароматом, от которого закружится голова. Очнешься, а овцы уже ушли далеко-далеко. Пока впопыхах догоняешь их, к штанам прицепится много колючих репейников. Жалма-абгай поплюет на ладони и скатывает их.

Долго тянутся осенние вечера. Овцы и скот толпятся на стойбище. Со склонов темнеющей Мадаги плывет туман. Ночью всех животных закрывают в загоны. В юрте тепло и уютно, жаркое желтое пламя пылает в очаге, на треножнике бурлит котел. Папа разложил около себя сделанные днем ножи, ножницы, топоры и точит их оселками и напильником. Я выбегаю на улицу.

Темное небо теплой ночи усеяно золотистыми звездами. Ой! что это чернеет впереди? Аа, это же дрова... На левой отвесной стороне Мадаги, буйно заросшей диким абрикосом— буйлэсэнном, есть пещера. Страшно! Легкий ветерок доносит шум, это торопливо бежит наша неугомонная речушка. Стой и слушай! Кто постукивает и шевелится в ночи? Где это? Может быть, надо папе сказать? Слушаю... Ладно, лишь бы не черт!

Рассыпался, приближаясь, и внезапно затих дробный стук копыт. Потом за стайкой Нам-сараевых звякнули стремяна, слышен шепот людей... Кто это? Испуганный, захожу в юрту. Никому не скажу о том, что, слышал. Не маленький – сам во всем разберусь! В юрте вкусно пахнет вареным мясом. Снятый с треножника котел исходит паром...

У ДЕДУШКИ

«После жирного мяса рот может облизать жадный черт», – вспоминаю я чьи-то слова и, вытирая губы, бегу к дедушке. О, как красиво светятся огоньки в дырах старенькой юрты! Откидываю войлочный полог, ярко горит огонь, светло и просторно. Бабушки и Дамдин-ахэ, брата папы, нет. Дедушка покуривает трубку и отдыхает на деревянной кровати. Он поднимается, вытаскивает из-под кровати маленький ящик и подзывает меня:

– Дугуурка! Иди сюда, будем в лодыжки играть.

Выстроили в ряд много-много костяных овечьих лодыжек. Я выбираю себе «стрелков». Дедушка берет блестящего «стрелка», долго целится, как из ружья, резко щелкает пальцем правой руки и сшибает левую лодыжку. Потом он долго ставит красного «стрелка», щелкает, на этот раз он роняет сразу две лодыжки. Дедушка меткий!

Теперь моя очередь. У меня маленькие и аккуратные «стрелки». Я сажусь, опираюсь на левое колено и, чуть приподнявшись, азартно стреляю. Сшибаю. Я тоже меткий! Дедушка радуется. Я продолжаю стрелять, то и дело слыша над ухом: «Попал! Хорошо. Ай, да Дугурка! Молодец Дугурка!» Да я не только в лодыжку могу попасть, я ведь и в воробьев чуть-чуть камнями не попадаю. Дедушка об этом еще не знает... Увлечшись, мы азартно стреляем в лодыжки и обо всем забываем.

Лодыжками можно играть в разные игры. Конные скачки, катить, стрелять, трех быков друг у друга отбирать...

Потом дедушка чистит ружье, готовит патроны. Вот тут-то не шевелись, сиди и смотри! В мешочках – порох, картечь, дробь. Есть патроны на крупную дичь, на птиц и другую мелочь. Тупым шилом дедушка выковыривает стреляные капсюли и чистит их гнезда кончиком ножа. Внимательно подбирает гильзы, некоторые подгоняет, ведь старые гильзы разбухают. Потом он вставляет капсюли, отмеряет порох...

Мы, старый и малый, большие друзья!

В КУЗНИЦЕ

Сквозь полудрему я слышу удары молотка: «Тус— тас! Тук— так!». Это работает папа в своей кузнице. Проснувшись утром, я никогда не застаю его в юрте. Наскоро одеваюсь и бегу к нему. Останавливаюсь в дверях кузницы и смотрю.

Папа работает. Двумя руками он качает посвистывающие и постанывающие меха. На побелевшем от жара горне -зажатые клещами, докрасна накалинные, железки. В кузнице жарко, пахнет окалиной и огнем. Неожиданно папа оставляет меха, мгновенно выхватывает клещами из горна раскаленную железку и, поставив на наковальню, начинает расплющивать молотком. Огненные искры брызжут во все стороны! Красно— белое железо медленно темнеет, папа быстро бросает его в горн и берет следующую заготовку. Снова начинает качать меха, гудящие, как ветер над сводом юрты. Потом опять выхватывает раскаленную железку из горна. Папа работает! Я стою в дверях, сонная дрема медленно овладевает мной, глаза слипаются. Но мне надо знать, что получится из этих железок!

Вот он берет из горна две полосы железа. «Аа, это будут щипцы», – думаю я, но на моих глазах получаются ножницы. Вдруг вижу в клещах узенькую полоску. «Наверное, папа решил сделать ножик мне», – радуюсь я. Смотрю – папа рубит железку на ровные отрезки, удлиняет их, а на концах расплющивает маленькие шляпки. Так это же гвозди!

Много знакомых и незнакомых дивится работе папы. Люди всех алханайских стойбищ хорошо знают его. Он делает им ножи, щипцы для углей, железные ободы для тележных колес, печные трубы, замки, раз в год подковывает коней, мужикам из русских деревень ремонтирует дрожки и тарантасы...

ЛАМА. ИЗГНАНИЕ ЗЛЫХ ДУХОВ

У нашей коновязи я увидел чужого коня. Удивленный, забежал в юрту и замер, онемев: к нам приехал лама. На нем толстый красный халат, широкая полоса красной же материи перекинута через плечо. Тучный и комолый, он восседает на мягком крашенном тюфяке, поджав под себя калачиком ноги. В холодных карих, навывкате, глазах – строгость и отрешенность. Перед ним поставлены блюда, справа от него – низенький столик из-под божницы.

Оробевшая мама молча пьет чай. Заметив меня, она прошептала суровым голосом:

– Поклонись и прими благословение!

Онемевший и испуганный, зажав шапчонку под мышкой, я низко кланяюсь и подхожу к ламе. Что-то дробно и глухо простучало по голове. Это лама благословил меня зажатými в кулаке четками. Притихший, незаметно присаживаюсь на свою кровать. Все молчим. В юрте напряженная тишина. На улице ветер, глухо шумит и постанывает лес.

К дымоходу потянулся пар, на жарком очаге вскипел котел с водой. Мама заварила благоухающий чай в медном чайнике и, низко поклонившись ламе, протянула обе руки.

– Вашу чашку, – попросила она тихим голосом.

Лама вытащил из-за пазухи что-то завернутое в синий шелк, развернул и извлек оттуда деревянную чашку. Пошевелив губами, он сильно обдул чашку и подал маме. Он налила чай, добавила в блюда хлеб, калачи, топленое желтое масло. Лама пьет, чавкает и жует, потеет, шевелит губами и бровями.

На улице раздались шаги. В юрту вошел папа. Оробевший и ссутулившийся, подрагивающими руками он заправил шапку за кушак и, вдруг упав на четвереньки, стал класть поклоны. Потом он встал и, продолжая кланяться, подошел к ламе в ожидании благословения. Лама небрежно и плашмя ударил его по голове священной книгой. Не разгибаясь, папа попятился за очаг и, смотря на ламу преданными глазами, умоляюще проговорил:

– Уважаемый ламбагай, мы безмерно благодарны вам за то, что вы осчастливили нашу юрту своим присутствием. Просим вас совершить у нас молебен и изгнать злых духов.

Откинувшись назад, лама набивает рот хлебом и непрерывно жует.

– Постараюсь исполнить вашу просьбу, – наконец говорит он, прожевав и отдышавшись.

Я освоился и привык к ламе. Мне не терпится посмотреть как он будет выполнять просьбу папы... В суете миновал день, закрыли скот и овец. Наступил теплый безлунный вечер. Ни ветерка. В юрте ровно мерцает бледно— желтое пламя лампы. Лама листает страницы священной книги и что-то бормочет про себя. Готовится к изгнанию злых духов. Папа, мама, прибежавшая от бабушки Жалма-абгай и я – сидим в темноте и смотрим на него.

Ночь окутала землю. Лама пошарил в своей большой суме, вытащил оттуда черную, как ночь, материю и накрыл перед собой столик. Потом достал ящичек из красного дерева, а оттуда извлек бубен, расшитый зеленым шелком с кистями, который он положил, направив в сторону очага. Шея моя вытягивается к ящичку все больше и больше. Появились какие-то медные и латунные чаши, тарелки, колокольчики, костяная труба— гандан. Дедушка говорил, что такую трубу делают из берцовой кости молодой девушки. Страшно и любопытно!.. Лама взял из нашей божницы медную чашу— тахил с зерном и поставил перед собой. Мы, взволнованные и робкие, наблюдаем за приготовлениями нашего избавителя от бед и злых духов.

Но вот он начинает громко читать, позванивает колокольчиком.. На столике, накрытом черной материей, кадят ароматом благовония. Рокочущим и монотонным голосом лама прочитал много страниц. Неожиданно остановившись, он поставил свою чашку на столик. Мама налила чай, добавила в блюда еды. Мы тоже чаевничаем.

Потом лама одевает на голову диковинную желтую шапку с мохнатыми кистями, которые закрывают его лицо, поддвигает к себе бубен и колокольчик. Труба— гандан из берцовой

кости молодой девушки зияет двумя черными дырами. Жутко! Нахохлившись, как маленькие птенчики перед стервятником, мы сидим молитвенно сложив ладони.

Папа тушит лампу. Сидим в грозной темноте. Гремит бубен, звенит колокольчик: «Бум — бум! Дзинь— дзинь!» Лама утробно читает, восклицая: «Лаа малаа сулваан доо, гэндэн малая сулваан доо!» Нас пробирает дрожь, пот разъедает глаза, по спине бегут мурашки. В звон и гром вплетаются рокошующие звуки гандана, будто ревет бык. Страшно! Сестра мне рассказывала, что когда дуют в гандан, то собираются черти. Может быть, сейчас они все собрались в юрте? «По— ой! По— ой! По— ой!», – отчетливо кричит в экстазе лама, но до меня эти слова доносятся как: «Прочь! Прочь! Прочь!».

Ночью чертей изгнали. Утром, довольные и осмелевшие, мы провожаем ламу...

НАШИ СОСЕДИ

Недалеко от нас живет богатая и многочисленная семья Намсараевых. У них много породистых белых овец, коней, коров и быков. На дворе – большая белая юрта, красивая и легкая бричка, телеги... Есть у них теплый бревенчатый тепляк для ягнят. В этом тепляке осенними и зимними ночами собираются и играют молодежь и дети.

У Намсараевых два подростка – девочка Цыгмит и приемный сын Цырен-Доржо. Есть у них и маленький Жамьян-Дэби, мой ровесник. Я дружу с ним, но играем мы не часто. Ведь я – неугомонный человек, люблю охоту, кидаю камнями воробьев и голубей, не знаю молитв, заклинаний, не умею читать. Мы не подходим друг другу. Отец моего друга – Базаров Намсарай читает старомонгольские книги, умеет писать. Он обучает своего сына. А мой папа ничего не запрещает мне.

Жамьян-Дэби редко ходит играть в тепляк. Чаще он сидит в юрте и учит монгольскую грамоту, молитвы и заклинания. А я еще не пропустил ни одной игры!

Вечерами в тепляке собирается много молодежи и детей. Мы расстилаем на земле большой белый войлок, высыпая из кожаного мешка позванивающие кучи овечьих лодыжек. Мальчики и девочки закатывают правые рукава, веселясь и подмигивая друг другу, садятся играть. Я смотрю, затаив дыхание. Высоко взлетает серебряная цепочка, играющий молниеносно успевает схватить с войлока горсть лодыжек и поймать ее на лету. Ведь он проиграет, если не успеет поймать цепочку или выронит хоть одну лодыжку...

В лунные вечера, наспех поужинав, я бегу к друзьям. Мы играем на улице. А там – шум, смех, гомон. Серебряный круг луны брызжет сиянием на долину, окаймленную горами, на Мадагу, Тамхи— Баряшан, речушку Загдачей – на весь Алханай!

– В палочку— выручалочку!

– Нет. Золото будем прятать!

Иногда на бревнах во дворе Намсараевых проходят молодежные вечерки. Кто-нибудь обязательно начнет: « Месяц серебряный светел...» И вот уже множество парней и девушек, обнявшись и покачиваясь, поют протяжные песни. Нежная волна забьется в моей груди, трудно станет дышать, и вдруг теплые слезы побегут по моим щекам. А песни все льются и льются – о родине, любви, отце и матери, нашем Алханае. Медленно плывет по звездному небу луна...

Сам дядя Намсарай – плотник и столяр. Зимой у него мало работы и потому встает он поздно. Накинув на широкие плечи меховую шубу, крытую синей далембой, он не спеша направляется в кустарники по нужде. Обрато возвращается тоже не спеша, громко покашливает, прочищая горло и сплевывая далеко в сторону. Зайдя в юрту и не снимая шубы, он набирает из чашки полный рот холодной воды, толстые щеки его раздуваются. Дядя Намсарай моется: смачивает лицо и руки, берет розовое мыло и выпускает на ладони тоненькую струйку воды. Душистые и ароматные запахи плывут, наполняя юрту.

– Отойди! Брызги долетят! – прикрикивает он на меня. Испугавшись и даже не закрыв дверь юрты я выскакиваю на улицу и бегу домой. Мама подшивает обувь, увидев меня, добавляет к моему испугу:

– Опять окно соседям разбил!?

Нахохлившись и насупившись, сижу и помалкиваю.

– Иди и собери щепки! – дает мне задание мама. Добежав до дров, я быстро набираю полный подол пахнущих смолой щепок.

У нас много соседей. Недалеко – стойбища Бато— нагасы и Гатаповых. Бато-нагаса знает монгольскую грамоту, мастерит телеги, заостряет и оттягивает ломы, охотится в тайге. Все

окрестные буряты уважают его. У них есть маленький толстый сын Дамдинжап, мой двоюродный брат, он еще не ходит.

Гатаповы живут слева от Бато— нагасы. Сам Гатап высокий и худощавый человек с тонкими чертами лица. Говорит и сам же смеется над своими словами. Монгольской грамоты он не знает, но зато хорошо говорит по-русски. Дочка их Дашима – моя ровесница...

Я знаю всех наших соседей. За густыми ивняками живут Поненовы. Дальше у самого края Мухар-Хунды – Лыгдыновы, Пунсуковы, Дармаевы, Даржаевы, Найдановы, отца которых прозвали Бык. На правой стороне речки – стойбище Золтовых, рядом с ними живут Эрдынеевы. Возле Боро— Судул – Ошоровы, там же и Шарагшан-абгай. Впереди нас есть родник – Махидун. Там живут Доржиевы, Дамбаевы...

Бабушка Доржиевых Цыгмит-абгай моя крестная. Недавно крестная подарила мне козленка. Он растет и у него уже появляется борода. Мы тоже что-нибудь дарим крестной. Внук Доржиевых Содном— Даржа стал ламой тоже будет изгонять злых духов. У них есть еще внуки – Намсарай и Цырен. А внучку Должин они отдали Дамбаевым. Кажется, дочка Гатаповых тоже взята у Гомбо Доржиева...

Сам старик Гомбо все время ходит выпившим. Он немного заикается, но шутник и остро слов каких поискать. Заикаясь, он говорит громко— громко. Иногда скажет что-нибудь такое – все покатываются от смеха.

ЗИМНИЕ ДНИ. КТО ОХОТИТСЯ?

Заканчиваются осенние молебны. Деревья покрываются инеем. Начинаются долгие зимние ночи и студёные дни. Снега выпало много. Папа на двух телегах возит сено от Шэхэндэ. Уставший и закуржавевший, он возвращается поздно вечером и пьёт в тёплой юрте горячий чай из опривленной серебром деревянной чашки.

Теперь каждое утро я бегаю в сенник, перелезаю через жерди изгородей, собираю высохшие синие цветы. Чихаю от терпкого благоухания ещё зелёной ветоши. Иногда, утопая в сене и вдыхая запах горьковатой пыли, взбираюсь на стог..

За изгородью встречаюсь с нашим рогатым и кастрированным козлом, который водит наших овец и коз. Наклонив голову, он смотрит на меня не мигающими желто— коричневыми глазами, пышную белую бороду развеивает ветер. Козел укоряет меня и просит сена. Быстро бросив ему маленькую охапку, убегаю домой...

По утрам тихо. Дремлет заснеженная тайга. Накормив скот, мы гоним его на водопой. Вокруг ключа Махидун нарастает бело— зелёный ледяной бугор. Каждое утро папа идет туда с ломом и отводит в сторону воду. Но льда все больше и больше. Иногда коровы и овцы скользят и падают. На них недоуменно смотрят подкованные кони. Люди засыпают лед навозом и песком, всюду застывшие коровьи лепешки и овечий горошек, получают темные дорожки, которые тянутся к ключу от стойбищ. Я люблю играть здесь. Катаюсь на льду. Зря папа и мама ругают меня, мороз все равно не даст долго играть – щиплет щеки и нос, замерзают руки в овчинных рукавицах. В тёплой юрте медленно оттаиваю. Растираю нос, щеки. Но что это? Правая щека упрямо твердеет. Отморозил! Ладно, дело житейское, никто не спросит за это. Выпив чашку арсы, бегу к дедушке.

Дедушка иногда не охотится. Он сидит в юрте и попыхивает большой черной трубкой, выпуская облака сине— белого дыма. Я останавливаюсь в дверях и смотрю на эти клубящиеся облака, в клочьях которых иногда появляется лысая дедушкина голова и его добродушное острое лицо. Я прохожу к печурке и сажусь на низенькую скамеечку около него.

В такие дни он читает монгольскую книгу. Но Дамдин-ахэ, своего сына, он не учит грамоте. Дедушка учит его скрадывать дичь и метко стрелять. Теперь Дамдин-ахэ попадает в любую мишень. «Табунщик знает норы жеребца, а охотник – ружья», – посмеивается дедушка.

Завидую курящим. Дедушка узнал об этом и сделал мне маленькую трубочку. Я растер красную кору лиственницы и листья табака, смешал. Дедушка сидит на кровати, я – внизу и тоже попыхиваю маленькой деревянной трубочкой, любуюсь на сизые облачка. Трубочка нагревается, приносиваюсь -замечательно пахнет! Но вдруг голова начинает кружиться, живот выворачивает, во рту противный привкус. Сижусь, стараясь не уронить достоинства. Сердце бьется часто-часто. В юрте становится темно и туманно... И вот, взявшись за руки, мы с дедушкой плывем над облаками, а внизу медленно кружится земля...

Бабушка долго отпаивала меня молоком и ругала дедушку!

Дни становятся студёнее. Солнце по утрам бледное, а потом и вовсе теряется в тучах. Вечерами воробьи стаями садятся на жерди изгороди и чирикают на своих шумных собраниях: «Шурган будет! Шурган будет!». Дедушка знает язык воробьев. А назавтра начинается шурган— пурга.

Как только пригреет солнце я и Жалма-абгай идем в стайку убирать замерзшие коровьи лепешки, заносим сухой овечий навоз для подстилки. После обеда спешим играть. А дедушка и Дамдин-ахэ уходят охотиться. Папа тоже иногда охотится. Я тоже охочусь в густых ивняках. Заячьих следов много. Недавно я заметил следы в сеннике Намсараевых и потерял покой. Надо

поставить петли! Но где искать проволоку? А два тонких ремешка от моих сапог – разве не два зайца!? Они прочные, зайцам никогда не порвать их!

Петли поставлены, ночами теперь не сплю. Сегодня, сегодня ночью обязательно должны попасться зайцы в мои петли! Я сам сниму с них шкурки. Можно шить шапки или же увезти в деревню и продать. Не спится. Чуть свет – бегу в сенник Намсараевых. Издалека вижу – есть! Что-то чернеет на снегу. Подхожу ближе – петли пусты. Разочарованный, возвращаюсь домой... Дедушка каждый день приносит домой по десять зайцев. Он подвешивает их на решетчатых стенах юрты и оттаивает... Все мужчины стойбищ Алханая зимой ловят зайцев. Мясо едят, шкурки продают. И мне надо скорей научиться ловить. Зайцев у нас тьма—тьмуца! Один только наш дедушка ловит их за зиму сотнями.

Все охотятся. Сыновья Золтовых, Аюша и Бубэ, поедут на телегах за сеном, а заодно и зайцев привозят. Они хорошие охотники. На склонах заснеженной Мадаги, в тайге, они ставят петли на хорьков и солонгоев. Кто увидит, сразу узнает – Золтоевы ставили.

Каждое утро по белому снегу, мимо нас, проходят охотники с ружьями. Только дядя Намсарай не охотится. А почему? Об этом я и у матери спросил.

– Тебе какое дело! – прикрикнула она на меня. -зачем ему охотиться! Они хорошо живут...

Но ведь дедушка, Дамдин-ахэ и другие охотятся Я тоже буду охотиться, когда стану взрослым... Не идут зайцы в мои ременные петли!

БЕЛЫЙ МЕСЯЦ – САГАЛГАН

Пока считали дни и готовились к празднику Белого Месяца, он уже наступил. Идут последние приготовления, папа и мама убирают в юрте, до блеска вытирают бронзовых божков, вечером зажигают благовония и лампадки. Завтра – праздник!

Просыпаюсь. В юрте – благоговейная тишина. По обе стороны божницы из красного дерева выстроились сверкающие божки. Изумленно смотрю на них, какие они нарядные и красивые! Вот с краю совсем юный божок. У него пухлые щеки, бесстрастное сияющее лицо, прямая осанка. Он держит четки и внимательно смотрит на меня большими круглыми глазами. Я тоже внимательно смотрю на него. С праздником!

Стекла с божницы сняты. Перед божками расставлены блюда с разной едой. В ровном мерцании медных лампад отблескивает капающая желтым жиром жирная грудинка. На блюдах много конфет в красивых обертках, белый сахар, печенье, пряники, калачи, пенки, масло, айрак, молоко...

– Когда же все это съест бог? – изумленно спрашиваю я у мамы. Она посмотрела на меня и на лице ее сверкнула улыбка.

– У папы спроси! – ласково сказала она, Нет, я не буду спрашивать у папы. Дождусь и посмотрю, как бог будет кушать. Когда мы закалываем быка или овцу, тоже жертвуем богу, но я ни разу не видел, чтобы он съел разбросанные кусочки мяса.

– А почему бог никогда не ест мяса? – недоуменно вопрошаю я. Но мне никто не отвечает.

Наверное, на этот раз бог съест все подношения. А может быть эти конфеты и сахар отдадут мне?

Откуда мы начнем праздновать скажет мама. Обычно мы начинали с верхних стойбищ. Я, Жалма-абгай, Дашима Гагапова и Жамьян-Дэби Намсараев идем гурьбой по тропинке, через кустарники, к Даржаевым.

Бабушка Даржаевых, Цыремжит-абгай, всегда ласкова и приветлива. Вот и сегодня она вышла из юрты встречать гостей. Хотя глаза ее видят плохо, она давно заметила нас. Морщины на ее лице лучатся улыбкой.

– Дети! – восклицает она, протягивая к нам руки, – по— нашему обычаю я вышла принять ваших коней.

Запахавшиеся, мы наперебой приветствуем ее, гурьбой вваливаемся в юрту и, помолившись божкам, садимся в предвкушении праздника

– Благословляю и желаю вам благополучия! – кланяется Цыремжит-абгай и по обычаю каждый «встречается с ней», прикасаясь к ее рукам двумя протянутыми руками.

– Цыден— Еши ушел к Лыгдыновым, Цыбегжидма побежала играть с Сунданом, – приговаривает Цыремжит-абгай, ставя на треножник очага прокопченный котел. Слева от нее оттаивает занесенное с улицы мясо, белеет мелко нарезанная домашняя лапша. А бабушка продолжает рассказывать новости:

– Молодежь гуляет. Наша Цырчигма поскакала к Золтоевым, Найдан Лыгдынов, парни Золтоевых, дочка Намсарая заседлали коней и вместе празднуют по стойбищам...

Припухлые щечки Дашимы жарко краснеют. «Золотая Дашима!» – называет ее мама. Я смотрю на нее и не понимаю отчего из золотой она стала огненно— красной.

Вдруг вбежал взволнованный Цыден— Еши, наш ровесник. Увидев нас, широко заулыбался.

– Сынок, поздоровайся с гостями, – ласково сказала Цыремжит-абгай. Но от избытка чувств Цыден— Еши только обрадовано рассмеялся.

Раскрасневшиеся, переглядываясь, мы едим из деревянных чашек вкусный суп с лапшой.

– Ешьте досыта! -то и дело слышится над нашими головами ласковый голос Цыремжит-абгай. – Потом можете играть на улице в тарбаган и волков. Хотите – играйте в юрте, у нас много лодыжек, возьмите цепочку Цырчигмы... Дугаржап, сколько тебе исполнилось?

– В Белом Месяце – шесть... Нет, семь! – бойко отвечаю я, оглядываясь.

Цыремжит-абгай открывает сундук и, вытащив оттуда сверток, смотрит на нас и добрая улыбка озаряет ее лицо.

– Ну, ребяташки, принимайте подарки Белого Месяца! Жамьян-Дэби, подходи. В какой год ты родился?

– Курицы!

– Значит тебе пять конфет. Кто еще в год курицы?

– Я, я... – перебиваем друг друга мы с Дашимой.

Мы суем за пазухи конфеты, сахар, пряники и выбегаем на улицу...

Наигравшись во дворе Даржаевых, бежим к Найдановым. Они живут в маленькой избушке с подслеповатыми оконцами. Лхамади-абгай дома нет. Но дедушка Найдан встречает нас как дорогих гостей. Усадив нашу ватагу на почетные места, он начинает готовить угощение. Взволнованные мы наблюдаем, как Найдан-ахэ раскатывает тесто и быстро— быстро нарезает острым тонким ножом лапшу.

Здесь мы снова едим суп с лапшой. Животы наши становятся тугими и уже трудно бежать. Не спеша мы бредем к Жалсановым.

Нас встречают жена дяди Жалсана – Должин-абгай, ее дочка Дыжит. Сын Жамбал, видимо, отправился куда-то в гости. Громким и скрипучим голосом Должин-абгай приветствует нашу компанию. Сонные и вялые, мы пьем чай и лениво хлебаем суп с лапшой.

– Уже поздно, – ласково говорит Должин-абгай, – оставайтесь у нас ночевать, играйте. Завтра домой пойдете. Куда вы на ночь? Снимайте шубенки. Гости Белого Месяца обязательно должны ночевать...

Мне не хочется оставаться. Боюсь. Ведь это стойбище на самом краю Мухар-Хунды, а один лама говорил, что в Мухар-Хунды водятся черти, Слышал я также, что черти всю ночь до рассвета терзают лошадей. «Почему они не проведут молебен и не изгонят чертей?» – думаю я...

Ночевать мы у Жалсановых не остались и ночью же вернулись домой.

Сагалган длится целый месяц. Однажды к нашей юрте подкатил на санях русский мужик. На нем была черная козья доха мехом наружу. Интересно, кто это? Долго я рассматривал его. Мужик неторопливо распряг коня, привязал его к коновязи. Он все время посматривал на меня и улыбался. Потом спросил, мешая русские и бурятские слова:

– Папка твой дома?

– Дома, дома, -зачастил я обрадовано.

Посматривая на меня, мужик взял из саней туго набитый мешок, подошел к дверям нашей юрты, положил на землю мешок, сбросил на него доху, сверху – мохнатую шапку. Я понял, что он ждет меня, подбежал, открыл дверь и ринулся в теплый сумрак юрты. Мужик неторопливо вошел за мной.

Папа рылся в ящике, где хранил всякие железки и инструменты. От звона он ничего не слышал. Мамы и Жалмы-абгай дома не было.

– Мэндээ! Здравствуйте! – громко и радостно сказал мужик и раскрыл для объятий большие руки. – С Белым Месяцем! Праздник... Почему работаешь?

Папа оглянулся и встал. Они обнялись и расцеловались.

– Мэндээ, Ванька— тала! Хорошо, очень хорошо! – смеялся папа, разглядывая друга.

– как баранухи, яманы? Жирные? Волков нет? – расспрашивал гость.

– Хорошо, очень хорошо! – продолжал радоваться папа.

Появились мама и Жалма-абгай. Увидев гостя, мама сразу поставила на недавно сложенную печурку чай, подбросила в огонь дрова.

– Тала приехал, – приговаривала она, – надо мясо с улицы занести, сена его коню дать.

Папа и его друг оживленно беседовали, мешая русские и бурятские слова. Я понял: папа будет что-то будет ремонтировать Ваньке— тала... Русские друзья отца часто привозят ему для починки ружья, топоры, ножи, самоварные трубы, расплачиваясь хлебом, мукой, зерном. У папы много друзей, он никогда не торгуется с ними, принимает все, что они привозят, ремонтирует и отправляет обратно. С нашими овцами иногда пасутся и овцы наших русских друзей. «Вот этот большой черный баран – не наш, а папиного друга», – доверительно сказала мне однажды Жалма – абгай.

Мама всегда увозит нашему другу подарки – сухожилия для ниток, выделанные шкуры, баранью грудинку... В седельных сумках она часто привозит нам большие ковриги хлеба, калачи, вкусные шаньги и булочки. Летом, когда курят араку, оставляют в большом деревянном жбане первач. Крышку жбана забивают деревянными гвоздями, ставят на хранение в тени. Это для нашего друга...

Сагалган продолжается. Днем и ночью мимо нашего стойбища проносятся нарядные всадники на конях с лохматыми гривами и красивыми седлами, веселыми хмельными головами распевая песни. Скорей бы подрасти и праздновать как взрослые!

СОБРАНИЕ. КАКОЙ ГРЕХ СОВЕРШИЛ БАТО-НАГАСА?

Дни становятся длиннее, после полудня у домов и юрт подтаивает снег. За юртой дедушки, на жерди изгороди садятся синицы, они весело, совсем не по— зимнему, перекликаются и вдруг улетают с протяжными криками.

В нашей юрте собралось много людей, пьют чай, табачный дым сизыми слоями плывет к дымоходу. Сегодня у нас будет собрание, все взрослые мужчины нашего Загдачея толпятся у нас. Они ведут неторопливые разговоры о работе и жизни. Только от Намсараевых тут никого нет. «Они и без собрания хорошо работают и хорошо живут», – думаю я. Собрание назначено на вечер, не проспать бы!

Долго садится солнце, собрание все еще не начинается. Я лежу на кровати босиком, прислушиваюсь. Порой проваливаюсь в туманную дрему. Встрепенувшись, вдруг слышу: заспорили что и когда сеять. Зачем спорить? Я знаю – Намсараевы сеют пшеницу. Почему бы и другим не посеять?

– Надо сеять ярицу. Какой хороший суп получается из ярицы! – никак не может угомониться Шархандай-ахэ.

В Тамхи-Баряшине несколько мужиков вместе вспахали землю. А наши все еще не могут договориться что сеять. Пшеницу или ярицу?

Я давно знаю пшеницу, гречиху, а недавно видел усатый ячмень. Их сеют мужики в русских селах вокруг Алханая.

Я так и не узнал, что решили мужики и сколько длилось собрание. Проспал! Но как-то я сбегал к Бато-нагаса и увидел, что он сделал плуг: к раздвоенному стволу тонкой березы он приделал большой железный лемех и собирался пахать землю.

Нагаса— эжи, мама моей мамы приезжает к нам где бы мы ни кочевали. На ней старая коричневая шуба без складок в поясе, седая голова острижена, а на сморщенной шее висят большие четки. На старости лет она подстриглась в монахини— шабгансы. Годы согнули ее и ходит она, опираясь на кривую палочку, но упрямо поднимает голову, чтобы все хорошо видеть и слышать. Сейчас она сидит на правой стороне нашей юрты и тоскливо смотрит большими черными глазами в даль.

– Этот упрямый Бато никак не хочет отступить от своей затеи, – говорит она громким голосом моей маме, – Он хочет резать землю железом. Это большой грех, Ламы не одобряют его, бог не простит. Он хочет распахать наши родовые уголья в Мадагын-Хунды, ты слышишь, Цыбжит!

Она грозно постукивает палочкой о землю, но глаза ее увлажняются. И вдруг мне становится жаль ее. Бато-нагаса и вправду живет в Мадагын-Хунды, когда-то там жили и мы. Мама все время напоминает мне, что мое тonto – место рождения, в Мадагын-Хунды. «Ты был капризным, ревел все время. Летом, в ночь кукушкиной песни, не давал мне спать», – говорит она иногда. Неужели я был таким маленьким? В Мадагын-Хунды есть лиственницы, осины, березы. Где же ковали кукушки?

ВЕСНА

С каждым днем становится теплее и теплее. Солнце все выше и ярче. И вдруг утром я услышал ликующий шум вырвавшейся на волю воды. Это побежал наш ручей. Обрадованный, я помчался туда... Желто-рыжая вода, похожая на чай, кружилась и пенилась, унося прошлогодние листья и комки ноздреватого снега. Я побежал поделиться радостью с Жамбян-Дэби, но во дворе Намсараевых разгуливала отвязанная большая черная собака. Тогда я отправился к дедушке.

Дедушки дома не было. Бабушка, которую мы все звали Яман, что означает – коза, увидев меня, что-то вспомнила и тихо спросила:

– Дугаржап, твоя нагаса-эжи гостила у вас?

– Гостила, – ответил я.

– Ты знаешь как ее зовут?

– Нет... Нагаса-эжи – и все...

– Цыдыпова Дулма она. А я – Ерынтэева Дулма. Понял?

Бабушка смотрит на меня подслеповатыми слезящимися глазами, Но она все понимает и видит. Неужели она плачет или снова слезятся ее глаза? Мне становится жаль ее. «Слепая старуха!» – иногда ругается дедушка. А я, дурак, повторяю за старым дураком: «ааттаруха!» Больше никогда, никогда не буду так делать!

Придя к нам, бабушка, маленькая и незаметная, садится у дверцы печурки, пьет аккуратными глотками чай и неторопливо рассказывает новости... Сколько я себя помню она всегда любила и защищала меня. Мама наругает меня, а то и побьет. Куда я побегу? К ней, к бабушке! Она ласкает и успокаивает меня. Если дедушка дома, он сидит, водрузив на нос очки и раскрыв большую книгу, читает. На нас не глядит...

Смотрю на бабушку и нежная, теплая как весна, волна обволакивает мое сердце.

КРАСНОЕ ПАСХАЛЬНОЕ ЯЙЦО

У Жамьян-Дэби на щеках лукаво двигаются ямочки. Он дает мне серую бумажку.

– Понюхай! Знаешь что это?

Нюхаю. Конечно, я знаю что это бумага из-под махорки, но не хочу расстраивать друга.

А Жамьян-Дэби мечтательно спрашивает:

– за красным яичком поедешь?

– Не знаю...

Побывать в русской деревне – моя самая заветная мечта. Жамьян-Дэби хорошо, он был там с отцом. Возьмет ли меня папа? Однажды мама поехала на коне в деревню, я долго бежал за ней и кричал: «Мама! Возьмите меня к русским». Мама остановила коня и ласково сказала: «Ты поедешь потом с папой за красным яичком...»

Весенний ветреным днем папа запряг коня в телегу. Вдруг подошла мама и, застегнув на моем тэрличке верхнюю пуговицу, весело сказала:

– Ты поедешь с папой за красным яичком.

Сердце мое ликующе подпрыгнуло!

Радостно подсакивает телега, быстро мелькают деревья. Холодно, но повсюду цветет багульник, а вдоль кремнистой дороги Дунда-Мадаги оживает дикий абрикос – буйлэсан. Дорога усеяна огромными булыжниками, телегу кидает в разные стороны и резко подбрасывает, перед глазами все время подрагивает зеленая трава на обочине. Мы поднимаемся выше и выше. Папа вытягивает шею и пристально смотрит в верх на синеющие горы.

– Вон на той вершине у меня умер конь, а сам я еле спустился вниз, – говорит он, показывая рукой на отвесные хребты и гребни, на которые и смотреть-то страшно. Выше их – только голубое небо. – Я прискакал с той стороны, у вороного разорвалось сердце, а я ушел пешком в тайгу.

– Почему? – удивился я. На лице папы мелькнула печаль. Он долго молчал и, вздохнув, продолжил рассказ:

– Мы были на летнике у Соктуя... Однажды к нам прискакал отряд тапхаевцев. Они наставили на меня ружья и приказали ехать с ними. Пришлось седлать вороного... Отряд остановился в большой русской деревне. С криком и руганью тапхаевцы начали грабить семьи. Потом они стали пьянствовать и распевать песни. Я знал почти всех русских людей в округе. От стыда и позора чуть не ослеп. Наконец я осмелился и, вскочив на вороного, помчался в тайгу. Вслед загремели выстрелы, но ни одна пуля не задела меня. Я взбирался все выше и выше, бедный мой конь вспотел и пена хлопьями летела по ветру. На вершине он умер, а я побрел пешком... Бедный мой вороной... А тапхаевцы не искали меня, Наверное, опьянели и забыли обо всем... Но! Чу-чу!

Показалась русская деревня... Как здесь красиво, какие большие дома и окна! Пока я вертел головой, папа въехал в ограду, где неистово лаяла и рвалась с цепи лохматая собака. Если сорвется – сразу съест! В синей рубашке, смеющийся, вышел навстречу наш Ванька—тала. Я вспомнил, что мама зовет его – Петруни Ванька. Он поздоровался с папой, наклонился и пожал мою руку.

– Мэндэ-здрасти, дорогие гости! – сказал тала и повел нас в дом.

В чистом доме пахнет жареным мясом, На столе в стеклянных банках с водой растут развесистые ветви, на них пушистые ярко— розовые и синие шарики. Как хозяйева умудрились подвесить такие маленькие яички на веточки? На подоконниках цветут цветы, а со стены строго смотрит на меня русский бог.

Жена нашего талы суетится у огромной белой печи, шурудит внутри длинной жердью с вогнутыми железными рогами. Жарко в избе! Вдруг она вытащила из печи горшок, а потом на железном подносе что-то круглое и золотистое. Так это же поросенок!

Сижу возле отца и наблюдаю. Вдруг открылась дверь, и в избу ввалилось много людей. Первый русский заулыбался, что-то сказал и обнял нашего талу. Касаясь друг друга щеками, они три раза расцеловались. Я выпучил на них глаза. Но и жена нашего талы также расцеловалась с одной женщиной. Вошел русский старик. Тала и его жена подбежали к нему и стали целовать вдвоем. Вот, оказывается, как празднуют русские!

Потом жена нашего талы засуетилась снова, поставила посередине избы большой стол и, пока я удивлялся разговору русских, быстро расставила много-много всякой вкусной и сладкой еды. У меня закружилась голова. Там были шаньги, пряники, пенки, конфеты, картошка, золотистый поросенок, что-то зеленое и красное, блестящие ножи и вилки.

Когда все уселись за стол, в больших деревянных тарелках принесли красные, розовые, голубые, зеленые яйца! Весело запел большой сияющий самовар. Почему мы ставим стаканы на блюдца? Оказывается, так лучше пить чай.

Смотрю -русские едят очень мало, пьют чай и громко— громко разговаривают, Сижу возле папы и озираюсь. Вдруг жена талы что-то сказала мне по-русски и положила возле меня мягкий калачик, шаньгу и еще что-то очень вкусное на вид, легкое и квадратное. Наверное, она угощает меня и просит есть. Сразу берусь за это легкое и квадратное, жую. Нет, не вкусно, на вид красиво, а вкуса нет, одна картошка внутри.

Долго мы сидели за столом, вдоволь я насмотрелся на русских, наслушался разговоров. Застолье заканчивалось, когда жена нашего талы вдруг зачастила: «Ой, гостинцы маленькому, гостинцы...» С этими словами она начала запихивать мне за пазуху всякую вкусную еду, потом протянула несколько разноцветных яиц.

Одно из них было красным!

МОЛЕБНЫ. ЧУДЕСНЫЙ ЛИВЕНЬ

Дядя Намсарай что-то выбивает на плоском желтом камне молотком и зубилом.

– Не подходи! – предупреждает меня Жамьян-Дэби. – Осколки могут попасть в глаз. Папа выбивает слова молитвы, а инструменты ему сделал твой папа...

А Бато-нагаса снова приходит к нам с какой-то бумагой. Читает: «Цыбенев Хайдап – середняк... Хайдапов Жапхандай... налоги...» Жапхандай – мой папа, а Хайдап – дедушка.

У нас новая божница, у дедушки – старая, он не часто молится богу. Бабушка шепчет молитвы все время. И меня учит. Бабушке и мне не до бумаг и разговоров, дяде Намсарая, наверное, – тоже...

Внезапно у Бычьей изгороди выросли три белые юрты. Говорят, что на наши лечебные источники приехал лама Жигмит-Сынгэ и устраивает всенародные чтения молитв. Бабушка взяла меня за руку и повела к этим юртам.

Видимо, в первой юрте собралось много народа, во второй – тоже, на улице был слышен громкий гул. От нагретой кошмы веет жаром. Люди говорят, что будет засуха... В третьей юрте несколько старух и пожилых женщин сидели на войлоке и монотонно читали молитвы. На красном столике из-под божницы стоит большая ваза. Мы сели и тоже начали читать. Гул усиливается, мне хочется спать, скучно. Вот как проходят молебны в юрте! А на вершинах-обо намного лучше и красивее... Скоро мы поедем на такой праздник!

В знойный день папа с мамой запрягли в телегу коня, одели лучшие тэрлики-халаты, крытые блестящей под солнцем чесучей. На мне новый тэрличок из голубой далембы. Тронулись в сторону горы Кусочи по зеленым травам и ярким цветам, мимо березовых рощиц, на всенародный праздничный молебен – обо-тахилган. У подножия горы Хара-Хада нас нагнала нарядная и веселая кавалькада всадников на лоснящихся под солнцем конях. Зазвенели узды и стремена. Красивая женщина в атласном синем тэрлике, не слезая с коня, разговорилась в мамой. С трудом я узнал в ней Цыренжап-абгай, мою тетю. Как сегодня изменились люди! Никто не ругается и не злится. Все довольные и веселые, в красивых одеждах, на конях и телегах спешат к подножию горы Кусочи.

Въезжаем в лес, наш конь нещадно хлещет хвостом, над ним тучами кружат пауты и оводы. Остановились на ровном пригорке. Папа распряг коня и привязал к березе. Сквозь густые листья вижу снующих туда-сюда людей и коней, запахло дымом костров. По каменистой тропинке мы вместе со всеми начали подниматься на вершину.

Наверху дует прохладный ветерок, далеко-далеко видна зеленая и голубая окрестность – горы, тайга, сверкающие извилины речушек. Люди все поднимаются и поднимаются, привязывают к деревьям разноцветные лоскутки материй, несут хворост и подкладывают в костры по четырем сторонам обо – большой кучи камней, возжигают благовония. На длинных древках развеваются голубые полосы материй, на камнях – приношения. Ламы подвязывают к шестам бубны и барабаны, блестят большие медные тарелки.

Молебен начался. Ламы громко зачастили молитвы, зазвенели литавры, забухали бубны, люди разом упали на четвереньки и стали молиться... Монотонно, как во сне, потянулось время, у меня закружилась голова. Подул порывистый ветерок, и вдруг часто-часто закапали крупные капли дождя. Я быстро забрался под зеленый мамин плащ-субу. Небо задвигалось и оглушительно треснуло, обрушился ливень. А ламы все продолжают читать. Смотрю – весь мокрый папа гордо держит над ламой черный зонтик, над другими ламами тоже зонты и плащи. Бухают барабаны и бубны, звенят литавры, гулко и громко читают молитвы ламы, грохочет гром и сверкают молнии.

– Началось! – облегченно и радостно выдохнул кто-то в толпе. – На обо-тахилгане всегда идет дождь.

Я тоже рад и, молча, соглашаюсь с ним...

Но гроза прошла, снова выглянуло солнце. Ламы продолжают читать молитвы. Один за одним люди потянулись обходить обо. Я понял, что молебен заканчивается. Вскоре вокруг обо кружило множество людей, потом среди них замелькали всадники, заскрипели и затарахтели телеги. Ароматный дым потянулся к небу, мы понесли свои приношения на камни обо. Потом ламы в красно— желтых одеждах пошли вниз, к подножию горы, людской поток потянулся за ними и медленно влился в Бычью изгородь.

Людской муравейник зашумел, раздались крики, смех, промелькнуло несколько русских людей из окрестных деревень. На досках, расставленных в круг, разложено кусками мясо. Стали усаживаться, мама подтолкнула меня в толпу. Началось обильное насыщение.

– Дугаржап, это тебе от меня. Держи!

Смотрю – дедушка Найдан протягивает мне кусок мяса. Я принял подношение и, как и положено по обычаю, поклонился подающему. Вокруг все угощают друг друга...

Потом разноцветная толпа ринулась смотреть состязания борцов, конные скачки... Ночью мы возвращаемся домой, Я сонно покачиваюсь в телеге, в ушах моих звенит и гудит, а перед глазами предстают яркие картины прошедшего дня.

В РУССКИХ ДЕРЕВНЯХ

Русский бог любит красивые праздники. Мы с папой любим бывать на них, а русские люди любят моего папу – кузнеца Хайдапыча и приглашают его в гости вместе со мной...

На длинной улице деревни Хушун гуляет много людей, заливается гармошка, кукарекают петухи и поскрипывают колодезные журавли. В блестящих окнах больших изб стоят цветы. Ребятишки играют в городки и бабки. Взрослые мужики в нарядных рубахах тоже катают бабки. Ходят, обнявшись, полнотелые девушки и женщины, распевая озорные и залиvistые песни... Сегодня – Троица, русский бог разрешил всем купаться.

Мы погостили у папиных друзей в Хушуне и направили свою телегу в Тулутай, где по словам папы живут крещенные буряты, которые давно превратились в русских. Как может русский превратиться бурята или бурят – в русского? Глаза и волосы что ли перекрасить?

– Поедем к Бурлаковым, – говорит папа, подгоняя коня. Один из сынов Бурлаковых без ноги. Папа часто ремонтирует ему деревянную ногу, обшитую рыжей кожей и со множеством блестящих железок. Говорят, что такая нога может скакать сама!

В голубой дымке купается высокая гора Дунда-Мадага, а с перевала зарябили крыши домов Тулутая. Мы въезжаем в деревню, папа мне что-то говорит, а я люблюсь высокой церковью и золоченым куполом. Как люди заташили и подвесили на такой высоте колокол? Русский бог сильный!

На улице много нарядных и веселых людей. Как высоко взлетают на качелях парень и девушка! Неужели у них не кружатся головы? Телега наша медленно едет по улице, папа здоровается с мужиками. Здесь тоже перекликаются петухи, стоят на подоконниках цветы, поют женщины. По улице смешно ходит золотоволосый парень на высоких деревянных ходулях.

Телега наша въехала в одну из оград, у дома много коней и телег. Как папа не заблудится среди многих домов? Во дворе большие амбары на прочных запорах и с черными железными замками, захлебываются от лая злые собаки, но к людям не приближаются.

В огромном доме можно заблудиться, много людей. Некоторые разговаривают с папой на бурятском.

– какой славный парнишка! Кем будет – кузнецом или охотником? – смеясь, заговорил с папой высокий русский мужик в красивой рубашке. Смотрю – в стене еще одна дверь, туда заходят люди. Там, наверное, живет другая семья.

Накрыли стол. Русские разговаривают между собой и с папой. Сiju и ничего не ем. Вдруг большая русская женщина, говорившая на бурятском, заговорила на русском: «Гостинцы, гостинцы...» и насовала мне за пазуху и в руки много всякой еды... Очень любят русские люди давать гостинцы!

Едем дальше. Солнце сдвинулось с зенита, тени стали длиннее.

– Хотел показать тебе лавку Ивана Бурлакова, да его безногого сына с ключами дома не оказалось! – досадует папа, нахлестывая вожжами коня.

Миновав Тулутай, направляемся в Харгастуй, который рассыпался у самого подножия заросшей лесом горы по обе стороны большой и пыльной дороги.

Здесь тоже – избы, цветы в окнах, колодезные журавли. На вершине сопки сложены камни обо. Неужели русские молятся на обо, как буряты?

– Косте Иванову зайдем, – говорит мне папа, прыгивая с телеги и привязывая коня к подгнившему старому столбу. Во дворе – тишина, даже собачонки не видно. Нет и русских в красивых одеждах. Наверное, все ушли купаться.

Не спеша входим в низенькую избу. Из полумрака навстречу нам вышел седой и худощавый старик, узнав папу, он заулыбался, приветливо протягивая сухие руки.

– Мэндэ! – поздоровались мы.

– Мэндэ! С кем это ты, Хайдапыч, приехал? -заговорил старик, ласково смотря на меня. Я робко пожал протянутую руку. У него были пепельного цвета волосы, борода, выцветшие глаза, Даже рубашка на нем была старая и выцветшая.

Папа мой что-то сказал старику. Они снова заулыбались и заговорили... Я удивленно смотрел на большую прокопченную печь, наверху что-то шевелилось. Оттуда слезла седая сгорбленная старуха в черном сарафане и в полинявшем платке. Она была похожа на мою бабушку, но намного старше ее. Дрожащими руками она нащупала трубу самовара.

– Здравствуйте, – сказала она тихим, но обрадованным голосом, оглядывая нас. Я подошел к папе и прошептал ему на ухо: «Папа, эти старики не слепые?»

– Сынок, иди сюда! – вдруг позвал меня старик. Он достал из-под кровати деревянный ящик, вытащил оттуда что-то круглое и пронзительно зазвенел им, отпустив на пол. Я увидел круглую вертящуюся юлу. Вдруг юла подпрыгнула и упала. Я выпучил глаза и замер от восхищения. Старик рассмеялся и протянул мне юлу.

– Держи, твоя!

Теперь я все время буду играть юлой!.. Старик с папой продолжили беседу. Старуха старым сапогом раскочегарила самовар.

У Кости— талы не оказалось чая. Старики заваривали березовую чагу и ели хлеб из ярицы. Но мы были, как дома. Костя— тала знал всех бурят Загдачея, расспрашивал о здоровье своих знакомых, их детях, кто и где кочует, как перизимовал скот. Он был своим человеком!

На прощанье старуха вручила мне гостинец – огромную репку!

Солнце село, но было еще светло. Наша телега затарахтела по дороге домой. Показались крыши изб Тулутая. Впереди шли две женщины, папа попридержал коня, женщины сели на телегу и засмеялись, озорно поглядывая на меня. Они ссыпали мне в подол несколько горстей шуршащих семечек и, спрыгнув в Тулутуе, долго махали нам вслед.

Темнело, В Хушуне еще не зажигали огня. На фоне вечернего неба Дунда-Мадага кажется огромной и замершей рыбой, а белый абрикос— буйлэсан – чешуей. Подул прохладный ветерок. Папа завернул меня в старый тэрлик. Хорошо ехать в вечернем сумраке, прижавшись спиной к спине папы, и смотреть на убегающие контуры гор. В небе кричат невидимые птицы, а в тайге кто-то воет. Что это? Волки воют или русские поют?

Телега подпрыгивает и покачивается, как качели, иногда чуть не опрокидывается... Из сизого тумана медленно появляется седой старик в белой вылинявшей рубахе с длинной белой бородой, глаза у него закрыты, но вдруг они распахиваются, старик в упор смотрит на меня и зовет: «Иди сюда!» Только я хотел отскочить от него, как кто-то толкнул меня в плечо...

– Не спи, – говорит папа, – скоро будем дома.

Темень. Телега подпрыгивает. Снова проваливаюсь в дрему, появляются избы русских деревень, смеющиеся мужики... Бурлаковы, Ивановы, Кондратьевы, Шильниковы, Ларионовы, Поповы, Татауровы... Русские женщины улыбаются и протягивают мне гостинцы...

ВОЛКИ

Днем говорили, что появились волки, а ночью раздались крики и вопли людей. Мы молча прислушивались. Наши никогда и никому ничего не говорят, даже если знают, что и где случилось. Но я понял: к овцам Намсараевых забрались волки. Почему никто не стреляет? У дяди Намсарая должен быть карабин. У дедушки есть берданка и кремневка...

Утром к нам пришла жена дяди Намсарая. Ее вытянутое лицо вытянулось еще больше. Волки задрали у них несколько овец.

– Вам хорошо, – говорила она, – вы между стоянками живете. А о них и спускаются с Саган — Шулута и – прямо к нам... Придется овец в стайку закрывать на ночь.

Но ночью волки забрались и в крепкую стайку Намсараевых. У них много скота и овец. Почему волки нападают на стада и отары богатых? Почему у бандитов много ружей, а у простых людей – мало?

В юрте тепло. Я сонно выглянул из-под одеяла. Дверь открыта. Выбегаю на улицу. Тепло светит солнце, от нижней речки поднимается голубоватый туман. То ли в тайге токуют, прищелкивая, расфуфыренные тетерева, то ли чисто и чеканно журчит наш ручей... Вдруг послышался тонкий и режущий звук. Что это?

Папина кузница закрыта. Я приоткрыл дверь и тут же отшатнулся: в сумраке кузницы сидел тучный лама в красно-желтой одежде. Он испугался. Что он там делает? Я обошел кузницу и прильнул к щели. Папа пилой по железу усердно отпиливал ствол карабина. Теперь карабин будет коротеньким. Вот бы мне такую игрушку! Лама приоткрыл дверь и, высунув большую круглую голову, осторожно оглядел окрестность и снова исчез в кузнице. Отрезок ствола со стуком упал на землю. Лама быстро сунул обрез за пазуху.

– Ламы ходят с ружьями? – через несколько дней спросил я у папы.

– Не знаю... А что случилось? – удивился он.

– Ничего... У них, кажется, бывают обрезанные карабины, – беспечно ответил я.

– Наверное, бывают, – задумчиво сказал папа. – Они же днем и ночью ходят по людям, читают молитвы и лечат, А сейчас много волков, ночью опасно ходить, встречаются и двуногие волки, у них много оружия. Не будет же лама таскать карабин за плечом...

Представив шагающего ламу с ружьем за плечом, я звонко рассмеялся. Конечно, обрез легко спрятать за пазуху, удобно положить его и под кошму в телеге. Вдруг ночью конь ламы испугается и захрапит. Вот тут-то лама и вытащит обрез, тогда волкам несдобровать. И двуногим, и всем остальным... А кусок обрезанного ствола можно было бы подарить и мне...

Разрешив загадку с волками и обрезам, я успокоился. Но как много еще загадок! Например, мы делаем мячи из вылинявшей шерсти коров, но вчера вечером только начали скатывать шерсть с коровы Намсараевых, как с треском полыхнули мелкие синие искры. Что это такое? А жена дяди Намсарая говорит, что корова затяжелела и скоро отелится...

МУЗЫКА

Теперь я слушаю музыку. Иногда люди играют на флейте— лимбе, чаще они поют песни. На праздниках – веселые, а на работе – грустные. Но однажды вечером я услышал удивительные звуки. Они тонко и протяжно жаловались, неожиданно радовались чему-то, плакали и смеялись. Музыка звучала совсем рядом, за стайкой. Взволнованный, я побежал туда.

Худощавый человек с острым и отрешенным лицом, в коричневом тэрлике, сидел на траве и извлекал звуки из белой коробки с длинной шеей, на которой были натянуты волосы от конской гривы. Он водил по этим волосам палочкой, похожей на маленький лук. Вокруг человека сидели люди и слушали, затаив дыхание. Когда музыкант закончил, один из людей подался вперед и спросил:

– Цырен-ахэ, сколько стоит ваша скрипка— хур.

– Давай три рубля и забирай мою скрипку. Я сделаю еще! – рассмеялся человек.

Они встали и пошли, о чем-то договариваясь. Музыка испарилась... Я побежал к маме и рассказал обо всем.

– Аа, это Жамбалов Цырен, – рассмеялась она мечтательно, – он волшебник и делает скрипки...

В кузнице приятно пахло смолой, папа строгал доску на верстаке.

– Папа, сделайте мне маленькую скрипку! – попросил я. Папа продолжал строгать, он думал. Потом отставил рубанок в сторону и сказал:

– Скоро я начну расковывать коней, выберу самые крепкие волосы из хвостов и грив. Будет у тебя скрипка!

Я мечтаю о скрипке, слушаю голоса людей, скрип колес, шум ветра и дождя... Сколько в мире звуков! Они никогда не кончаются, они поют и плачут, радуются и печалются. Мир – это музыка... И вот папа вручил мне маленькую скрипку— хур в ящичке. Только почему он положил в футляр кору лиственницы с высохшей смолой? Я выбросил кору и, вытащив скрипку, стал играть. Долго я водил смычком по волосяным струнам. Но чарующие звуки стали медленно тускнеть, а потом и вовсе превратились в визг. Что случилось? Я разочаровался и забросил скрипку.

Через много дней папа сказал мне, что смычок скрипки надо смазывать смолой. И снова скрипка очаровывала меня волшебными звуками. Вот только нагаса— эжи недовольно проскрипела:

– Это от дьявола. Грех!

Что ни делаешь – все грех. Но нагаса— эжи знает жизнь лучше меня. Душа моя опечалилась. Как жить дальше, что надо делать для того, чтобы любить музыку и быть безгрешным?

НА ЛЕТНИКЕ

Скота и овец у нас стало много. Ягнята большие и крепколобые. Я пасу их и смотрю на озорных трясогузок, которые радостно кричат: «Чив— чив— чии». Вот бы найти их гнезда и собрать яйца. Но опять же нагаса— эжи говорит, что это божьи птицы и нельзя трогать их гнезда. Видимо, только серенькие и беспечные воробьи не божьи.

Мы перекочевываем на летник у подножия горы Соктуй. Папа погрузил на телеги пожитки. Я уже большой, не поеду на телеге, а погоню с Жалма-абгай коров и овец.

На летнике, как на другой земле, хотя у Соктуя такие же горы и леса! В березняках шебуршат и кукуют кукушки, вдоль речки покачиваются яркие цветы, а в синем небе долго и неподвижно парят коршуны. На летнике два маленьких сарая, в одном из них старая кожемялка. Неподалеку – изгороди для коров и овец, летняя кузница отца. Но самое интересное для меня – накатанная дорога, которая пробегает перед летником. По ней часто проезжают на одноколках русские мужики. Часами я сижу на жерди изгороди под палящим солнцем, смотрю на дальние синие горы, тайгу. Жду проезжающих. Только покажется телега, я вскидываю пропеченную солнцем голову и, собрав все русские слова, которые знаю, восторженно и завистливо кричу:

– Худаа поехали?

– В Хара—Мангуу—ут! – доносится из пыли, и телега, тарахтя и подпрыгивая, скрывается в березовой роще. Острое ликование пронизывает всего меня. Иногда быстро промчатся красивые телеги, рослые и откормленные кони высоко вскидывают головы, звенят под дугами колокольчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.